

Любимов Ю.Т.

25/III -88

ОБСТАНОВКА — подчеркнуто будничная, рабочая, негромкая. Будто все так и должно быть. Только так и никак иначе. Но во всем — в лицах сидящих в зале людей, в сосредоточенных актерах, в самом уплотнившемся воздухе Таганки явственно ощущалась значительность этих десяти дней. Дней, дорогих всем этим людям и очень многим, находящимся вне пределов театра.

Мы встретились с Юрием Любимовым после очередной репетиции, уже в конце его пребывания в Москве.

— Юрий Петрович, что было самым волнующим для вас в эти особенные десять дней?

— Все, начиная с момента пересечения советской границы утром 9 мая (именно в День Победы приехал я в СССР). Согласно заведенному протоколу, пограничник спросил меня о цели приезда. «По могилам близких», — ответил я (а здесь могилы моих родителей, брата, друзей). — «А еще?» — продолжал пограничник. — «А еще — в театр». — «В какой театр?» — «В свой театр». И, приложив руку к козырьку, этот офицер поздравил меня с Днем Победы.

Я приехал в Москву по частному приглашению моего товарища и в какой-то степени ученика Николая Губенко, нынешнего руководителя Театра на Таганке. Я живу у него. И думаю о том, что двадцать пять лет назад именно в этом доме, и именно в этом подъезде Николай Губенко полгода жил в квартире у моей матери, когда ему нелегко было жить. Такие бываю в жизни совпадения.

Я рад приезду в Москву, но сказать эти слова — значит не сказать ничего. Здесь мои друзья, родные, воспитанные мной ученики Щукинского училища, здесь — Театр на Таганке. Здесь — дело всей моей жизни.

— А что символизировал ваш приезд в этот театр, в Москву?

— Этот театр — сам символ многих поколений. Разъезжая по миру, я часто встречался со многими людьми, по разным причинам и в разные годы покинувшими Советский Союз. И очень часто в беседах со мной они вспоминали Театр на Таганке как одно из лучших и дорогих воспоминаний своей молодости. Сколько надежд было связано с Таганкой! Радясь сегодняшним переменам в Советском Союзе, люди, которым небезразлична судьба их страны, обеспокоены тем, чтобы процесс перестройки стал необратимым. Они говорили мне: «Мы надеемся, мы очень надеемся на то, что вы вернетесь в СССР». В Москву я приехал утром 9 мая. А вечером седьмого в Штутгарте шла премьера моего последнего спектакля. Я сидел в ложе, и с визой все еще полной ясности не было. Вдруг распахнулась дверь, и директор Штутгартского театра закричал: «Господи Любимов! Только что позвонили — вам дали визу! Шампанского, откройте шампанское!..» Даже люди, в общем-то далекие от наших проблем и нашей повседневности, прониклись тем, как много значила для меня эта поездка.

— Как вы считаете, имеет ли ваш визит отношение к изменениям, происходящим в области культуры?

— Уже только тот факт, что мы с вами сейчас разговариваем, что у меня было за-

писанное здесь, в Москве, интервью компании Эн-би-си, и другие встречи, конечно же, говорит о многом. А ведь несколько лет я не мог вернуться на родину, был лишен возможности работать в театре.

— Юрий Петрович, как вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в стране, каковы ваши впечатления?

— Факты сегодняшней жизни говорят сами за себя. Применительно к Театру на Таганке эти факты заключаются в том, что осуществлен выпуск спектакля «Владимир Высоцкий»,

— Когда я слышу подобные вопросы, мне сразу же вспоминается хрестоматийный анекдот об оптимистах и пессимистах. И вообще хотелось бы избежать стертых, клишированных образов. По поводу перспектив моего возвращения в театр, я полагаю, что этот вопрос — к Министерству культуры. Могу лишь сказать, что с теперешним руководителем театра Николаем Губенко мы думаем о репертуаре. Моя нынешняя встреча с коллективом предварялась встречей в Мадриде,

же я сейчас пересмотрел все свои контракты и оставил только те, от которых невозможно отказаться, самые важные и серьезные.

— Будете ли вы теперь, после этой поездки в Москву, рекомендовать деятелям культуры, оказавшимся в эмиграции, вернуться на родину?

— Каждый из людей, уехавших из Советского Союза, уехал по своим личным, отличающимся от других, причинам и обстоятельствам. И если они будут меня спрашивать, я буду говорить о своих впечатлениях. В человеческой жизни и судьбе есть вопросы, которые каждый должен решать сам. Поэтому я не могу давать рекомендации в решении таких жизненно важных вопросов. Я буду рекомендовать приехать и посмотреть, так же, как умные люди советовали это мне самому. Вот я приехал, посмотрел и теперь могу это же рекомендовать другим, моим друзьям, которые, конечно же, очень хотят приехать и на гастроли, на выступления. Я имею в виду своего друга Мстислава Ростроповича, Гидона Кремера, — тех, кого хорошо знаю. Я уверен и в том, что если в Советский Союз придут книги замечательных писателей, оказавшихся за рубежом, то вслед за своими книгами придут и они сами. Я помню, что когда-то давно Миша Барышников, посмотрев на Таганке «Пугачева» (где главную роль играл Николай Губенко), через своего друга Володю Высоцкого уговаривал меня поставить для него балет «Пугачев». Думаю, что и он бы с удовольствием приехал со своим коллективом на гастроли в Советский Союз.

— Юрий Петрович, послезавтра утром вы сядете в самолет. Вы полетите домой или из дому?

— К Иерусалиму — городу, в котором я сейчас живу, — у меня, как у верующего человека, отношение совершенно особое. Я люблю этот город. Там живет моя семья — мой сын и моя жена. И, стало быть, летя к ним, я буду лететь домой. Но случаются в жизни совершенно своеобразные ситуации, не укладывающиеся в привычные схемы. Есть люди искусства, работающие во всем мире. Ставящие спектакли, пишущие книги, создающие картины независимо от государственных границ, впитывающие мировую культуру и работа в ней. Это было всегда, и при нормальных обстоятельствах должно стать нормой для всех. Отныне я надеюсь ездить на гастроли со своим театром, даже не живя постоянно в Москве. Только недовольностью периода застоя можно объяснить ту искусственную изоляцию, которой были взаимно подвергнуты и театр, и я. Жаль, что со временем столь многие возможности были упущены. Есть такая очень подходящая к данной ситуации пословица: «Дорого яйцо к Христову дню». Все надо делать вовремя.

— И все же мы с вами беседуем в вашем кабинете в Театре на Таганке. Вы только что с репетиции, завтра — генеральная репетиция вашего спектакля. Есть ли у вас ощущение, что вы — дома?

— Это не ощущение. Это и есть мой дом. Беседу вела Инна РОГАЧЬЯЯ
Москва — Ленинград

«ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЕЯЛИ...»

Под занавес прошедшего театрального сезона произошло событие, которое не могло не взволновать весь театральный мир: в Москву на Таганку для работы над спектаклем «Борис Годунов» приехал Юрий Любимов.

Интервью с ним мы и решили открыть новый театральный сезон на страницах нашей газеты.

поставленного в 1981 году. Сегодня он идет на сцене театра, вот, видите, свежая афиша: «Владимир Высоцкий. Представление Юрия Любимова 1981 года». Завтра в театре — генеральная репетиция «Бориса Годунова», закрытого так же, как и «Высоцкий», тремя годами позже. Закрытие этих спектаклей нанесло глубокую травму не только мне, как их постановщику, это были удары по театру как творческому организму. Эти удары были нанесены в эпоху правления прежних руководителей, в эпоху пренебрежительного отношения к художнику и грубого нажима на развитие искусства. Под указом, лишавшим меня советского гражданства, стоит подпись Черненко. Он и методы его правления не имеют отношения к людям, решающим и направляющим жизнь страны сегодня. И я это четко разграничиваю. У сегодняшних руководителей — иной курс, они проводят иную политику. Главное, что они заботятся о демократизации жизни общества, о поддержке в народе развитого и осознанного чувства собственного достоинства. Самое важное в этом процессе — это то, что он должен стать сбалансированным и необратимым. Годы после XX съезда, когда вся страна была на подъеме, сменились годами горького разочарования, когда все повернулось вспять. Люди, жившие в то время, хорошо помнят, как все мы были угнетены и подавлены случившимся поворотом к старому. Это ни в коем случае не должно повториться.

— Юрий Петрович, следует ли из этого, что вы настроены оптимистически, что вы вообще настроены вернуться в театр?

куда я специально приезжал во время их гастролей в марте этого года. Сейчас я репетирую «Бориса Годунова», пробую восстановить то, что было сделано мною и артистами более четырех лет назад. Кроме того, совместно с Губенко мы планируем дальнейшие возможности репертуара. Не оставляем и восстановление таганковского репертуара. Вот после нашей беседы мы строим — Н. Губенко, Д. Боровский и я — собираемся пройтись по всему театру, подумать, посмотреть, чего бы нам еще хотелось сделать относительно наших помещений. Работа шла в течение моего визита очень напряженно и интенсивно, и все, что можно было сделать за такой непродолжительный срок, как десять дней, я сделал. Я собираюсь приехать в Москву в январе, уже на более продолжительный срок, думаю, месяца на три, и постараюсь серьезно поработать.

— Ваш приезд на три месяца обусловлен имеющимися контрактами? И каковы ваши ближайшие планы?

— Да, я должен закончить работу по нескольким имеющимся контрактам. Прежде всего это работа в Стокгольме. Затем в очень интересном театре Габима (том самом, который 70 лет назад был организован Евгением Вахтанговым) состоится премьера «Дорого человека из Сезуана». Вначале спектакль будет сыгран в Иерусалиме, затем намечена премьера в Тель-Авиве. Этот театр выразил желание пригласить на гастроли Театр на Таганке, и мы сейчас думаем о возможности обменных гастролей. Думаю, что с этим очень ярким коллективом с большим интересом познакомятся в Москве. Вообще

Четверг,
25 августа 1988 г.
№ 197 (19047)

СМЕНА
г. Ленинград